

„Либералы“ замазывают классовую борьбу в науке

В Академии художественных наук вдвойне неблагоприятно

ГАХН готовит антимарксистскую смену

Академия отвечает Опровержение или подтверждение?

Письмо в редакцию

Уважаемый тов. редактор!

В «Комс. Правде» в номере от 20 февраля напечатана статья «Бессмертные от мертвых идей», в которой дано ложное освещение деятельности Академии Художественных Наук.

1. Про аспиранта С. С. Скрябина сказано, будто он судился за отказ от службы в Красной армии. В действительности он по собственному ходатайству, по религиозным убеждениям, был освобожден от военной службы, как видно из имеющихся документов, и к суду никогда не привлекался.

2. Президиум Академии не является руководителем «всей работы Академии». Президиум ведет административную и хозяйственную часть. Научно-идеологическое руководство принадлежит Ученому Совету, в состав которого входят все председатели рядов и секций Академии (Коган, Шпет, Сидоров, Александров, Коноус, Вакушинский, Пельше, Габричевский, В. А. Филиппов, А. В. Филиппов, Пиксанов, Терновец, Соколов). Шапошников и Мориц кооптированы в Ученый Совет от президиума, на научное руководство в Академии они не имеют никакого влияния. Они являются теми двумя рабочими членами президиума, которые в противоположность остальным выбираются только на один год и при выборе которых принимаются в расчет главным образом административные и хозяйственные способности.

3. Вице-президент Шпет, как видно из предыдущего, «фактическим хозяином» не может состоять и не состоит. В его руках находится вся финансовая сторона дела, он является распорядителем кредитов, ни одной из научных ячеек Академии не руководит. Всякий расход утверждается президиумом, принципы расходования средств — Ученым Советом.

4. Мориц действительно знает несколько иностранных языков, в чем Академия видит скорее положительное, чем отрицательное качество. Он действительно выполнил ряд ответственных поручений наших за границей, выполнил безупречно, в чем опять я не вижу ничего дурного.

5. Шапошников — кадровый офицер. Как видно из его воинского билета, кадровым офицером не был. Копии документов о Скрябине и Шапошникове представлены в редакцию).

6. Совершенно неверные сведения даны в абзаце «Знакомьтесь с великими писателями». Академия выпустила большой труд «Писатели современной эпохи», в котором даны сведения о нескольких стах писателей как крупных, так и мелких. Последние входят в план этой работы, которая представляет собой только первый том. Что же делает автор статьи? Из массы заседаний, на которых тщательно обсуждался каждый писатель, он выхватывает отрывок этой огромной систематической работы, перечисляет писателей, попарных как раз в этот период, ставит по три вопросительных знака при именах писателей, ему неизвестных, не понимая важного научного значения той полноты, которую преследовал кабинет при выполнении поставленного себе задания, восклицает: «Итак, радуйся, читатель! Кабинет революционной литературы ГАХН поларит тебя биографиями таких величайших писателей, как Аргс, Страдной, Архангельский, Влагой, Кюнерт и т. д. Поистине, какое научное достижение, какая глубокая плодотворность бессмертных!».

7. Совершенно к такому же методу прибегает автор статьи в абзаце «А вы говорите: бумажный кризис», где он доказывается, что академические «труды не находят читателей», и приводит цифры. Остаток изданий ГАХН на первое января 1929 года составлял 38 процентов общего тиража. Распродажу почти двух третей изданных книг, среди которых не мало специальных, ни в коем случае нельзя характеризовать словами «не находят читателей». Автор статьи умолчал о том, что ряд книг, как Луначарского «О музыке», сборники «Художественная форма», «Арс поэтика» и др., разошлись целиком, что прекрасно идут такие книги, как Переверзева «Литературоведение» и пр. Мало того, выбрав для доказательства слабой расходности академических книг пять—шесть менее удачных, автор даже и здесь не дал точных сведений. Так, по его словам, из 3.000 экземпляров книги Гуревича «Творчество актера», изданной Академией, до сих пор не распроданы 2.000. В действительности книга распродана почти на две трети (по отчету на 1 января, оста-

лось 1.180 экземпляров). Про книгу Шапошникова сказано, будто она осталась нераспроданной почти целиком, в действительности как раз наоборот: по отчету на 1 января ее остается всего 165 экземпляров. Автор не упоминает совсем о работе Мандельштама, под ред. Пиксанова: «Литература в марксистской критике», которая разошлась в 4 изданиях, и т. д.

8. Никакого «бунта левых» в Академии не было. Действительно, из 28 аспирантов три—четыре человека имеют недовольных, среди них и Котова, письмо которой, помещенное в академической стенной газете, приводится и автором статьи. Лично я считаю совершенно необоснованным обвинение, брошенное почти всей нашей аспирантуре, будто она применяет в научной области «старые, пережившие себя, методы и формы работы, чуждые новому социальному дню». Среди аспирантуры имеется немало серьезных, подающих надежды молодых ученых, стоящих на марксистской точке зрения.

9. Я не касаюсь целого ряда других обвинений, которые оставляю на совести автора. Например, обвинение Бахрушина в черносотенстве и антисемитизме, что делало Бахрушина, который с первого дня революции стал работать в театральном отделе Наркомпроса, который создал и соберет величайшую в мире театральную коллекцию, за музеем которого советская власть сохранила имя Бахрушевского, против его создателя—его бывшие миллионы, за—его совершенно исключительные заслуги перед советской культурой, юбилей которого превратился в настоящий праздник этой культуры, при участии и правительственных и общественных деятелей.

Родионов, работающий в Академии с самого ее основания, бывший одно время заведующим художественным делом Главнауки, заведывавший в течение шести лет Поленовским домом, имеющий большой практический стаж, действительно является консультантом Академии, выполняет эти обязанности чрезвычайно добросовестно. Ю. А. Самарин никогда не скрывал, что он сын обер-прокурора «святейшего синода». Он выполнил ряд чрезвычайно важных поручений Академии. Между прочим, ему Академия в значительной степени обязана выполнением чрезвычайно ответственного поручения ЦИК, именно—проведением большой выставки «Искусства народов СССР» к десятилетию Октябрьской революции. Неверно, будто т. Маца в Коммунистической Академии «подверг сокрушительной критике научную работу ГАХН». Тов. Маца говорил в общем плане о буржуазных течениях в искусствоведении; по свидетельству всех присутствовавших на его докладе, о ГАХН он не упоминал, и вопрос заострился на ГАХН не в докладе тов. Маца, а во время прений. Не касаюсь я и многих других вопросов.

Остановлюсь еще на вопросе об Академии Наук СССР. После голосования в Академии по поводу решения президиума о пере выборах я немедленно запросил П. Н. Сакулина по поводу его поведения. Сакулин прислал то объяснение, которое позднее было напечатано в «Известиях». Об этом объяснении П. Н. Сакулина я довел до сведения своих товарищей по Ученому Совету. Нам казалось, что оно в значительной степени должно удовлетворить общественное мнение, что оно, во всяком случае, резко отмежевывало П. Н. Сакулина от правой части Союзной Академии, от реакционеров, и что ложный шаг, сделанный Сакулиным, сводился к непониманию момента, а вовсе не к солидаризированию с теми, кто хотел помешать вступлению в Академию трех вполне достойных ученых коммунистов. Принимая во внимание совершенно исключительную работу Сакулина в ГАХН, я не считал возможным клеймить от имени Академии П. Н. Сакулина, тем более, что у меня никаких сомнений нет в том, что именно этот работник сыграет плодотворную роль в деле оздоровления атмосферы в Союзной Академии.

Из всего вышесказанного отнюдь не следует, что в Академии Художественных Наук все обстоит благополучно. Академия нуждается в существенных преобразованиях.

Вне задолго до появления статей в печати, направленных против ГАХН, Академия неоднократно обращалась во все инстанции с просьбой усилить ее состав коммунистами, поставила перед собою задачу создания системы марксистского искусствознания и более направ-

Быть может, настает когда-нибудь время, когда Академия художественных наук среди других работ займется и вопросом о силе газетных опровержений. И тогда, когда Академия обратится к этой отрасли художественного творчества, она должна будет признать письмо тов. Когана образцом «классического опровержения».

В самом деле: отвечая по пунктам на статью «Комс. Правды» о ГАХН, тов. Коган проходит мимо основного содержания статьи. Мы утверждали, что ГАХН стала штабом реакционно-идеалистической части наших искусствоведов. Против такого положения ГАХН было направлено острое письмо. Между тем тов. Коган, находя аргументы против ряда мелких и частных ее утверждений, ни одним словом не оговаривается по существу обвинения, по существу основного и общего содержания нашего выступления. Более того, в последнем абзаце письма тов. Когана читатель найдет как будто косвенное признание и подтверждение основных выводов статьи т. Бачелиса. «Академия нуждается в существенных преобразованиях», «Академия неоднократно обращалась во все инстанции с просьбой усилить ее состав коммунистами» и т. д.—эти заявления говорят лишь о том, что поднятый «Комс. Правдой» вопрос о ГАХН поставлен своевременно и правильно. О чем же тогда спорить?

Мы могли бы ограничиться этим общим замечанием, если бы письмо тов. Когана не избобило целым рядом обвинений против автора статьи. Обвинения эти при ближайшем рассмотрении, возвращаются на подобие бумеранга к ногам пославшего их и обращаются своим жалом против Академии.

ПОЧЕМУ АКАДЕМИКИ МОЛЧАЛИ?

Так, тов. Коган пространно объясняет линию поведения ГАХН в вопросе об инциденте с «дважды бессмертным» акад. Сакулиным. Вся беда, однако, в том, что наша статья не касалась этого эпизода. Зато в нашей статье был брошен прямой упрек ГАХН в том, что она никак не откликнулась и не реагировала не на частный случай с акад. Сакулиным, а на весь инцидент в Академии Наук. Вся общественность, в том числе и научная, резко реагировала на этот инцидент, но «бессмертные» из ГАХН молчали. Почему? Этого тов. Коган не пожелал или не смог объяснить.

«ТЕХ ЖЕ ЩЕЙ, ДА ПОЖИЖЕ ВЛЕЙ»

Далее тов. Коган утверждает, что аспирант Скрябин не судился за отказ от службы в Красной армии, а был в силу своих религиозных убеждений освобожден судом от этой службы по собственному своему ходатайству. Тов. Коган не хочет понять при этом, что нас меньше всего интересует вопрос о судимости Скрябина и больше всего то, что в составе работников ГАХН находится себе место (и даже защиту) лица до того религиозные, что даже отказались служить в Красной армии. То же и относительно Шапошникова, который, как видно из документов, не был кадровым офицером, но был... просто офицером. Мы готовы принести повинную за такое «искажение» фактов, но все же напомним тов. Когану, что об офицерах прошлом Шапошникова было сказано в статье лишь мимоходом: мы спрашивали, как этот офицер (кадровый или не кадровый) мог стать академиком без всяких научных трудов? Увы, тов. Коган не потрудился на это ответить...

КТО ХОЗЯЙНИЧАЕТ?

Примерно такой же характер носят и другие «опровержения» тов. Когана. Так, он утверждает, что Г. Шпет не является «фактическим хозяином» ГАХН; но «он является распорядителем кредитов». На наш взгляд, взгляд простых смертных, тот, кто распоряжается кредитами, тот именно и является фактическим хозяином. От того, как распределяются кредиты, зависит вся система работы учреждения, и недаром мы отмечали, что «распорядительность» акад. Шпета ведет к расширению философского разряда (центра идеалистов) за счет социологического. Тов. Коган пытается утешить себя тем, что «всякий расход утверждается президиумом, принципы распределения средств—Ученым Советом». Таким образом, над Шпетом-де есть контроль. Мы можем сообщить тов. Когану, что когда местком Академии потребовал от Шпета исполнительную смету, данные о фактических расходах, для того, чтоб сравнить их с «принципами расходования», представить смету Шпет категорически отказался.

На наш взгляд, взгляд простых смертных, тот, кто распоряжается кредитами, тот именно и является фактическим хозяином. От того, как распределяются кредиты, зависит вся система работы учреждения, и недаром мы отмечали, что «распорядительность» акад. Шпета ведет к расширению философского разряда (центра идеалистов) за счет социологического. Тов. Коган пытается утешить себя тем, что «всякий расход утверждается президиумом, принципы распределения средств—Ученым Советом». Таким образом, над Шпетом-де есть контроль. Мы можем сообщить тов. Когану, что когда местком Академии потребовал от Шпета исполнительную смету, данные о фактических расходах, для того, чтоб сравнить их с «принципами расходования», представить смету Шпет категорически отказался.

КАКУЮ НАУЧНУЮ СМЕНУ ВОСПИТЫВАЕТ ГАХН?

Мы не касаемся целого ряда других «опровержений» тов. Когана, которые, по его великодушному примеру, «оставляем на совести» автора письма. По мы не можем пройти мимо важнейшего вопроса о «бунте левых» аспирантов. Тов. Коган утверждает, что левые—это «3—4 недовольных». Мы считаем такое заявление замазыванием той внутренней борьбы, которая на научной почве ведется в ГАХН.

Тов. Коган считает «совершенно необоснованным» обвинение, брошенное почти всей нашей аспирантуре, будто она применяет в научной области старые, пережившие себя, методы и формы работы». Что ж, ида навстречу тов. Когану, мы можем «совершенно обосновать» это обвинение хотя бы, ссылкой на один небезынтересный и, конечно, тов. Когану известный документ.

При Наркомпросе существует комиссия по подготовке научных работников, которой в этом вопросе как будто и карты в руки. Бюро этой комиссии на заседании от 2 февраля 1929 г. (протокол № 163), рассматривая отчеты аспирантов ГАХН об их научной работе, постановило:

— Констатировать, что... 2) характер набранных аспирантами тем свидетельствует о чрезвычайной отдаленности их работы от современных проблем искусства.

Это раз. И второе:

— По отношению к ГАХН констатировать, что в подавляющем большинстве работы носят антиматериалистический характер».

Вы слышите, тов. Коган: не только немарксистский, но даже нематериалистический, и не только нематериалистический, но прямо—АНТИМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ характер носит подавляющее большинство работ ваших аспирантов!

В ПЛЕНУ У РЕАКЦИОНЕРОВ

Неужели же после этого авторитетного и официального признания вы станете утверждать вперед за реакционной профессурой, что «бунт левых», это—только «бунт недовольных» и что у вас в ГАХН никакая классовая борьба за науку нет? Мы ожидали, что наша статья поможет развязать эту борьбу внутри Академии, что передовая часть академиков (в том числе и тов. Коган), услышит голос общественности и, опираясь на нее, в союзе с нею, обрушится на действительных и несомненных реакционеров, половивших ГАХН.

Ведь мало «искать коммунистов» для Академии, как это делаете вы, тов. Коган: нужно еще выявлять антикоммунистов и очищаться от них. Когда в этом вам приходит на помощь общественность, вы вместо того, чтоб принять ее протянутую руку, предпочитаете отделаться формальным, буквоядским, чиновничьим опровержением, где нет ни одного слова по существу обвинений, но где зато очень много либеральной «защиты прав человека»—дусть чужого и ненужного!—от слишком резкой правды, сказанной в глаза.

Неужели же Академия уже настолько законсервировалась, оторвалась от общественности, настолько попала в плен к реакционерам, что уже органически не может иначе реагировать на общественные выступления? В таком случае письмо тов. Когана служит сигналом, что в Академии Художественных Наук вдвойне неблагоприятно.

Президент ГАХН
П. С. КОГАН.